

А.В. ГАНИН

ХЛОПОТЫ НАРКОМВОЕНМОРА Л.Д. ТРОЦКОГО ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ БЫВШИХ ГЕНЕРАЛОВ М.М. ЗАГЮ И С.М. ЯЗЫКОВА. 1919 г.

**Ganin A.V. L.D. Trotsky efforts for ex-generals
M.M. Zagyu and S.M. Yazykov release (1919)**

Аннотация / Annotation

В статье на основе документов РГВА, ГАРФ и архива Гуверовского института, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, проанализировано дело двух бывших генералов М.М. Загю и С.М. Языкова, арестованных в 1919 г. по распоряжению народного комиссара почт и телеграфов В.Н. Подбельского. Рассмотрен ход следствия и его итоги. Сделаны выводы относительно беспрецедентного случая освобождения подследственных и их назначения на ответственные посты в РККА, в результате чего один из фигурантов дела бежал к белым.

In article on the basis of RGVA, GARF documents and archive of Hoover Institution, in the majority for the first time entered into a scientific turn, cases of two ex-generals M. Zagyu and S. Yazykov, arrested in 1919 according to the order of the national commissioner of mails and telegraphs V. Podbelsky is analysed. The course of investigation and its results is considered. Conclusions of rather unprecedented case of release of persons under investigation and their appointment to responsible posts in RKKA therefore one of persons involved in the investigation ran to the Whites are drawn.

Ключевые слова / Keywords

Исторический источник, архив, Гражданская война в России, Красная армия, военные специалисты, репрессии, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, В.Н. Подбельский, М.М. Загю, С.М. Языков, военные сообщения. Historical source, archive, Civil war in Russia, Red Army, military experts, repression, V. Lenin, L. Trotsky, V. Podbelsky, M. Zagyu and S. Yazykov, military communications.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 – «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

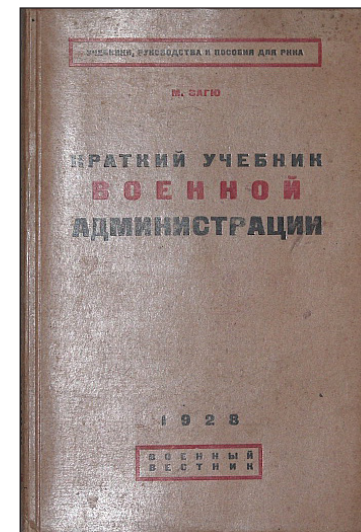
В январе 1919 г. в Москве были арестованы бывший начальник Центрального управления военных сообщений М.М. Загю, занимавший этот пост с июня по декабрь 1918 г. (затем находился в распоряжении начальника Полевого штаба Реввоенсовета Республики и его недавний сослуживец, в прошлом начальник 2-го отдела Центрального управления военных сообщений, а на момент ареста – помощник начальника военных сообщений Восточного фронта С.М. Языков. Оба арестованных были бывшими генерал-майорами Генерального штаба.

Центральное управление военных сообщений (ЦУПВОСО) являлось главным органом, ведавшим военными перевозками на территории Советской России. Управление состояло из четырех отделов: административно-организационного (отделения: административное, бухгалтерско-казначейское, общее); по устройству военных дорог (отделения: по устройству тыла и баз, этапно-транспортное, почтово-телеграфное); по службе полевых железных дорог и автомобильных колонн (отделения: административно-мобилизационное полевых железных дорог,

М.М. Загю

техническо-мобилизационное полевых железных дорог, административно-мобилизационное автомобильных колонн, техническо-мобилизационное автомобильных колонн); воинского движения и мобилизационно-строительный (отделения: перевозочное, продовольственных пунктов, охраны железных дорог и рабочих частей, эвакуационное, мобилизационно-строительное)¹. В управлении на 3 декабря 1918 г. служил 101 сотрудник, в том числе 12 бывших офицеров Генерального штаба (начальник управления, его помощник, специалист для по-

Научные и учебные издания М.М. Загю

ручений, 6 начальников отделов и их помощников, 2 начальника отделений и старший делопроизводитель)².

М.М. Загю был достаточно авторитетным для большевиков специалистом. Он родился 1 августа 1875 г. Окончил Тифлисский кадетский корпус и поступил на военную службу в 1892 г. во 2-е Константиновское военное училище, которое окончил в 1894 г., в 1902 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. В дальнейшем служил, в основном, по военным сообщениям в штабе Кавказского военного округа, в Главном управлении Генерального штаба и в Ставке Верховного главнокомандующего, командовал полком и временно командовал дивизией. Первую мировую войну завершил помощником начальника военных сообщений театра военных действий Н.И. Раттэля. Был награжден всеми дореволюционными орденами до Св. Владимира 3-й ст. включительно.

На сторону новой власти Загю перешел в числе первых генералов старой армии. Как отмечал сам Загю в своей автобиографии, составленной 28 января 1939 г.: «В ряды Красной гвардии, а

потом и Красной армии вступил добровольно, со дня вступления в г. Могилев отряда Красной гвардии, прибывшего из Смольного вместе с назначенным Советской властью Верховным главнокомандующим. По предложению Верховного главнокомандующего я, как и все прочие офицеры, оставшиеся в Могилеве, изъявил согласие на продолжение службы в Красной гвардии (книжка № 15327), и все мы были оставлены в занимаемых нами должностях (я в должности пом[ощника] начальника военных сообщений на театре военных действий)»³. В дальнейшем Загю возглавил управление по демобилизации Ставки, оставаясь при этом и в прежней должности.

В июне 1918 г. Загю стал начальником военных сообщений Высшего военного совета⁴, а затем возглавил новый центральный орган военных сообщений – ЦУПВОСО. С мнением бывшего генерала считались. Осенью 1918 г. Загю выступил инициатором создания в Советской России военно-железнодорожных курсов⁵. 9 октября 1918 г. военспец был вызван в Кремль, в управление делами СНК, для участия в комиссии по вопросу о волжском транспорте⁶. В ноябре 1918 г. получил разрешение на свободный проход в Кремль для присутствия на заседаниях комиссии под председательством Я.М. Свердлова⁷. В декабре 1918 г. оклад бывшего генерала составлял 2 550 руб.⁸ Высокое должностное положение позволило Загю трудоустроить в органы военного управления своих родственников. Например, переписчицей канцелярии Всероссийского главного штаба в 1918 г. работала Мария Михайловна Загю⁹.

По всей видимости, до ареста Загю чувствовал себя вполне защищенным от неприятностей. В то время он мог позволить себе довольно резкие заявления даже в адрес военных комиссаров, что удивительно. Например, 8 ноября 1918 г. Загю написал рапорт начальнику Полевого штаба, в котором потребовал привлечь к ответственности за грубость комиссара Московского округа путей сообщения И.П. Савицкого, заявившего по телеграфу: «Тов. Загю, я требую от Вас, чтобы Вы не говорили мне глупостей»¹⁰. Военспец сообщал: «Грубый тон И.П. Савицкого в служебных разговорах – обычное явление, и с этим приходилось уже мириться, но за допущенное им оскорбление меня как должностного лица,

прошу зависящих сношений о привлечении его к ответственности»¹¹. Подобные документы едва ли могли исходить от военспеца, затравленного репрессиями. Скорее, наоборот, не боявшийся пререкаться из-за пустякового повода с комиссаром, Загю не представлял, что подобные поступки могут иметь для него неприятные последствия, даже если он и был прав. 18 ноября рапорт из Полевого штаба был направлен председателю РВСР Л.Д. Троцкому.

Арест Языкова и Загю оказался спланированной акцией наркома почт и телеграфов В.Н. Подбельского, руководившего ревизионной комиссией по делу военной почтово-телеграфной связи¹². Показательно, что в докладе Совету рабоче-крестьянской обороны, подготовленном ревизионной комиссией, говорилось о попытках воспрепятствовать работе комиссии со стороны военного ведомства и, в частности, начальника Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяева¹³. Кроме того, между военными связистами и почтовыми работниками разгорелась борьба за ведомственную принадлежность фронтовых почтово-телеграфных отделов¹⁴. Жертвами конфронтации стали работники военного ведомства. Арестованных бывших генералов обвинили в преступном бездействии в области организации военной почтово-телеграфной связи.

Предписанием Полевого штаба Загю был командирован из Серпухова для участия в заседании комиссии по выработке третьего отдела Полевого устава «Тактика ближнего тыла». Его арест произошел по распоряжению Подбельского и с согласия В.И. Ленина 13 января 1919 г. распоряжением ревизионной комиссии Совета рабоче-крестьянской обороны в помещении народного комиссариата почт и телеграфов (Большая Дмитровка, 15), непосредственно на заседании наркомата¹⁵. Вместе с ним был арестован и Языков.

Загю так описывал эти события: «Я и С.М. Языков вышли в приемную комнату, куда минут пять–семь спустя вошел вооруженный конвой, и начальник его заявил, что мы “по приказанию народного комиссара почт и телеграфов и согласии тов. Ленина” арестованы. Попытка наша переговорить по сему вопросу с наркомпочтель Подбельским или же хотя бы позвонить по телефону для доклада начальнику штаба и сообщения семье – была резкими действиями начальника конвоя остановлена, и мы были

поспешно выведены из помещения, у подъезда которого стоял ожидавший грузовик, на котором нас доставили в распоряжение В.Ч.К.

Как впоследствии выяснилось, до вечера о сем случае заявлено не было, а на вопрос по телефону наркомпочтель Подбельский с некоторой заминкой сообщил Н.И. Раттэлю¹⁶, что неудовлетворенный нашими объяснениями он приказал нас арестовать и что мы кажется отправлены в Кремль в распоряжение В.И. Ленина. Лишь бесплодные поиски нас в Кремле заставили обратиться в В.Ч.К. для выяснения нашего местопребывания. Причина ареста была для меня совершенно непонятна¹⁷. Позднее причина была названа: «Преступное бездействие власти»¹⁸. Загю, однако, такой довод не убедил. По его мнению, изложенному впоследствии в рапорте на имя начальника Полевого штаба Ф.В. Костяева, «порядок арестования дает некоторые основания предполагать, что арест наш был преднамеренный и не находился в связи с данными нами объяснениями (в 5–7 минут нельзя было составить и перебить препроводительную бумагу в 15–20 строчек; готовый грузовик).

Наконец, невольно напрашивался вопрос о характере нашего ареста, т.к. полномочия ревизионной комиссии нам известны не были; был ли это арест с целью пресечь возможность уклониться от суда и следствия или явился ли он прямо административным взысканием; но тогда надо было определить его продолжительность. Эти томящие вопросы так и остались невыясненными до момента освобождения (7 дней), т.к. никакого допроса за эти 7 дней никто не делал, а всякие сношения в этом направлении с внешним миром не допускались»¹⁹.

Языков и Загю, оказавшиеся в одной камере Бутырской тюрьмы, будучи закреплены за президиумом ВЧК²⁰, нашли поддержку на самом высоком уровне. Очевидно, Раттэль или Костяев сообщили о случившемся заместителю председателя РВСП Э.М. Склянскому или напрямую Троцкому. Троцкий не смог промолчать и вступился за Загю. Он писал В.И. Ленину: «Владимир Ильич. Обращаю самым настоятельным образом Ваше внимание на факт безобразного ареста Загю. Его арестовала комиссия, в которой не было никого от военного ведомства. Это неправильно

но с формальной стороны. Он был арестован без ведома своего прямого начальства. Это неправильно с формальной стороны. Он был арестован комиссией, в состав которой входили лица, по долгу службы приходившие с ним в[о] враждебные столкновения. В комиссии этой был Бакинский²¹, который в свое время, заведя военными сообщениями Восточного фронта, сталкивался с Загю в высшей степени враждебно. Так как Бакинский не проявлял никаких административных способностей, а свое неумение покрывал постоянными конфликтами со всеми, то я отстранил его тогда от должности после нескольких предупреждений. Теперь Бакинский арестует Загю.

Далее, Загю не справлялся с[о] своими обязанностями, как не справляется с ними большинство, если не все работники настоящего времени. Никакой злой воли Загю не проявлял – по общему нашему убеждению. Есть, по крайней мере, столько же оснований для ареста Подбельского за неспособность исправить московские телефоны или за то, что сейчас на всем Южном фронте повалилась чуть ли не одна пятая часть телеграфных столбов, которые не обозревались никем и благополучно прогнили при режиме Подбельского. Между армиями Южного фронта связь исчезла. С таким же успехом можно арестовать Брюханова²², несомненно Невского²³ и, думаю, также и меня. Загю арестован только потому, что он бывший генерал. Если бы на его месте сидел коммунист, он, может быть, сделал бы еще меньше и не был бы арестован. Это произвол. Он порождает у наших специалистов такое убеждение, что они ничем не прикрыты и что им не зачем быть добросовестными, ибо все равно Бакинский может их арестовать.

Я совершенно категорически настаиваю на том, чтобы Загю был освобожден. Он никуда не уйдет. Я выступаю поручителем за него. Следствие может продолжаться. Если суд признает его виновным, он может быть приговорен к соответственному наказанию. Председатель Революционного военного совета республики Троцкий»²⁴. Вопрос, поднятый Троцким, Ленин 16 января 1919 г. поставил в повестку заседания Совета обороны, проходившего на следующий день, на котором и было принято решение об освобождении военспеца.

Письмо Троцкого свидетельствует о том, что за недоработки ответственных советских работников предпочтительнее было арестовывать бессловесных военспецов, что и происходило на деле. По всей видимости, только благодаря вмешательству Троцкого Загю был освобожден из Бутырской тюрьмы, в которой провел не более недели с 13 по 20 января 1919 г. Насколько можно судить из отрывочных документов, был освобожден и Языков.

21 января 1919 г. Загю было предписано отправиться в Москву для составления доклада о деятельности Центрального управления военных сообщений по организации почтово-телеграфной службы на театре военных действий²⁵. В тот же день военспец составил рапорт на имя начальника Полевого штаба, где изложил историю своего ареста. В этом рапорте Загю прямо обвинил руководство наркомата почт и телеграфов в клевете: «Считаю своим долгом заявить, что службу свою я нес и нес честно и нелицемерно; интересы военного ведомства отстаивал твердо и в соглашениях ни на какие недопустимые уступки не шел и постороннего вмешательства в дела не допускал; всякое свое действие и распоряжение могу объяснить в каждую данную минуту и большинство из них подтвердить документально»²⁶.

По освобождении Загю просил разрешения предоставить ему возможность «заняться исключительно научно-литературной деятельностью (разработка учебников, положений, описаний, уставов, инструкций и проч.) для нужд разных подготовительных курсов и Красной армии, и совершенно устранился от участия в работе административных органов»²⁷.

Освобождение Языкова, по всей видимости, произошло позднее. Вопрос об этом рассматривался на заседании Совета обороны 31 января 1919 г. по докладу Э.М. Склянского. Освободить военспеца предлагалось под поручительство Н.И. Раттэля. Нарком Подбельский не возражал. По официальным советским данным Языков был освобожден 6 февраля 1919 г., как и Загю²⁸, что в случае последнего не соответствует действительности.

В дальнейшем, несмотря на то, что дело активно расследовалось, Загю и Языков получили новые назначения по военному ведомству. Подобная практика не была характерна для того времени

и может быть связана с двумя обстоятельствами – персональным вмешательством в дело Троцкого и тем, что этот случай расследовал не военный трибунал.

На последнем обстоятельстве следует остановиться подробнее. Расследования дел военспецов в 1919 г. обычно велись в РВСР. Однако дело Языкова и Загю оказалось в другой инстанции – в Верховном ревтрибунале ВЦИК, куда было передано 4 июня 1919 г.²⁹ Таким образом, с определенного этапа его расследовали не как военное преступление, а как преступление по должности гражданских чиновников.

Факт назначения подследственных по делу об измене на новые должности в армии показателен и свидетельствует о крайней нужде в квалифицированных специалистах. В связи с возможным новым назначением Загю в мае 1919 г. развернулась любопытная переписка. Военспеца хотели привлечь к технической работе в военном ведомстве до окончания следствия. Народный комиссар юстиции Д.И. Курский возражений не имел и сообщал начальнику Всероссийского главного штаба Н.И. Раттэлю 6 мая 1919 г.: «В виду возникшего в Главном штабе вопроса о привлечении б[ывшего] начальника Упвосо³⁰ Загю к технической работе, сообщаю, что в моем заключении Совету Рабоче-крестьянской обороны было указано на устранение т. Загю от занимаемой им ответственной должности начальника Упвосо до окончания следствия, но не содержало указаний на отстранение его от другой технической работы, для которой могли быть использованы его знание и опыт, как военного специалиста, а потому не встречаю препятствий к привлечению б[ывшего] начальника Упвосо Загю к техническим работам под непосредственным руководством и ответственностью начальника Всероссийского главного штаба»³¹.

12 мая 1919 г. Загю был назначен и.о. помощника начальника Всероссийского главного штаба и проработал на этой должности до 1 сентября 1920 г. В этой связи вспоминается единственная аналогия – бывший главком И.И. Вацетис, арестованный в июле 1919 г., утверждал, что и из-под ареста продолжал осуществлять управление войсками³². Насколько это верно – большой вопрос. В принципе, можно допустить, что с арестованным Вацетисом,

учитывая его огромный опыт и конкретные наработки в сфере военного планирования, могли консультироваться по наиболее трудным оперативным вопросам.

Все лето 1919 г. Загю приходилось бывать на допросах. Особенно подробным был допрос 18 июня 1919 г., на котором бывший генерал фактически изложил всю историю развития системы военных сообщений в Красной армии (документ публикуется). При этом военспец активно работал, писал и публиковал собственные труды. В 1919 г. издавалась работа Загю «Военная администрация»³³. Интересно, что 31 июля 1919 г. Загю, как состоявшему в распоряжении начальника Полевого штаба РВСР, было выдано удостоверение на право свободного передвижения по Москве и ношения револьвера, шашки и бинокля Цейса³⁴.

В отличие от Загю, за которого заступился Троцкий, с Языковым обошлись хуже, хотя тоже освободили из тюрьмы. В период заключения Языкова скончался его брат Николай, также служивший в Красной армии. Требовалось его похоронить на Ваганьковском кладбище, однако из-за ареста сделать это было некому. 14 января Языков даже обращался по этому вопросу к Я.Х. Петерсу в ВЧК³⁵. Однако навстречу военспецу не пошли. Такие обиды не забывались. Неудивительно, что отпущенный на свободу и назначенный весной 1919 г. начальником военных сообщений армий Украинского фронта и начальником ЦУПВОСО Украины, а затем, 16 июня 1919 г., начальником военных сообщений 12-й армии бывший генерал С.М. Языков, не желая искушать судьбу, в конце августа 1919 г. перебежал к А.И. Деникину при оставлении красными Украины. Пикантность ситуации заключалась в том, что родной брат Загю, также генерал-генштабист, служил у Деникина³⁶. Впрочем, на карьере военспеца Загю это не отразилось. Не повлияла на расследование и измена Языкова.

26 октября 1919 г. следственная комиссия Верховного революционного трибунала ВЦИК рассмотрела дело по обвинению Загю и Языкова в преступном бездействии власти, выразившемся в том, что:

«1) Центральное управление военных сообщений не выработало никаких правил и положений в области организации военной

почтово-телеграфной связи, и деятельность его протекала без всякой системы и плана;

2) имея одной из своих задач организацию руководства почтово-телеграфными отделами фронтов, Уповсо, не только не заботилось снабдить эти отделы какими-либо инструкциями и положениями, но даже не имело сведений об организации, штатах, работе существовавших потель³⁷-отделов,

3) в то время, когда фронты испытывали крайнюю нужду в почтовом и телеграфном имуществе, Уповсо, имея к тому возможность, не приняло мер к удовлетворению этой нужды путем организации фронтовых складов и использования имевшегося в его распоряжении соответствующего имущества.

4) Уповсо, на обязанности которого лежала организация полевых почтовых и телеграфных контор, помимо не проявления какой-либо активности в этом направлении, не располагало даже списком уже существовавших и созданных местными силами таких контор.

и 5) такая же полная бездеятельность названным управлением была проявлена и в области организации тыловой телеграфной связи»³⁸.

На допросах Загю, «указывая на тяжелое положение, в котором оказалось Уповсо, вынужденное, благодаря сложившимся военным и политическим обстоятельствам, за время с 22 февраля по 22 июля [1918 г.], когда оно приехало в Москву, переменить пять пунктов, и медленное слияние двух Уповсо при Высшем военном совете и Всероссийском главном штабе, следствием чего управление могло начать организационную работу лишь во второй половине сентября... по существу предъявленного обвинения показал:

1) в докладе от 10 июля 1918 г. за № 19113 им была представлена программа предстоящей деятельности управления, одобренная Высшим военным советом... Кроме того, был выработан ряд правил и положений для фронтовых учреждений связи, как то: Положения всех учреждений по военным сообщениям, о направлении почт и телеграмм в красную армию, Положение о полевых почте, телеграфе и телефоне и т.д....

2) Выработаны штаты всех учреждений по военным сообщениям, условия оплаты труда потель³⁹ работникам и установлен

порядок взаимоотношений между военным ведомством и потель ведомством на театре военных действий, причем некоторые из этих положений вышли уже после сдачи должности Загю и даже с некоторым опозданием,

3) Из ряда приказов начальника военных сообщений при Высшем воен[ном] совете, приложенных к настоящему делу, можно убедиться в том, что были приняты меры к организации рабочих колонн, а также снабжения учреждений телеграфным имуществом путем передачи им телеграфных складов...

4) Как видно из тех же приказов начальника военных сообщений было организовано много полевых потель контор, неимение же сведений о некоторых из них объясняется их оторванностью от центра, как самостоятельно возникших, а в отношении Восточного фронта тем, что он был признан Высшим воен[ным] советом лишь в начале августа, а разделение территории на 4 фронта последовало лишь 11 сентября, к каковому времени и надо отнести и приступ к созданию регулярной Красной армии.

5) Что касается организации тыла, то за нее можно было принять только во второй половине сентября, причем серьезная и планомерная организация могла быть начата только к январю 1919 года в виду того, что, не считая даже затруднений и недостатка технически подготовленного личного состава, таковой не мог быть оборудован раньше сформирования самих фронтов, а штаты штаба армии и штаба фронта были объявлены 26 декабря 1918 г. пр[ошлого] г[ода] № 477 Реввоенсовета Р[еспублики]...»⁴⁰.

В докладе следственной комиссии в Президиум ВЦИК отмечалось: «Принимая во внимание, что объяснения Загю, подтверждающиеся представленными им документами, приложенными к делу, носят исчерпывающий характер в отношении действий, как его лично, так и Языкова, и не дают возможности отнести недостатки Увосо всецело к умыслу и злой воле обвиняемых, а в значительной степени относятся к тяжелым обстоятельствам переходного времени и недостатку достаточно подготовленных лиц и материальных средств, следственная комиссия полагала бы: настоящее дело передать в Президиум В.Ц.И.К., возбудив ходатайство о прекращении его дальнейшим следствием за отсутствием состава преступления»⁴¹.

Наконец, 3 декабря 1919 г. М.М. Загю сообщили, что следственная комиссия Верховного революционного трибунала ВЦИК постановлением Президиума ВЦИК от 20 ноября 1919 г. дело в его отношении прекратила за отсутствием состава преступления⁴². На этом, однако, мучения Загю не завершились. По некоторым данным, он арестовывался в 1921 г. в связи с восстанием в Кронштадте и был освобожден 6 декабря 1921 г., а также в 1926 г.⁴³ Впрочем, эти сведения нуждаются в проверке.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1005. Оп. 1 а. Д. 115. Л. 53.

² Там же. Л. 5 об.-6.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37976. Оп. 1. Д. 520. Л. 7.

⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 81.

⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 107. Л. 63.

⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 300.

⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 103.

⁸ Там же. Л. 472.

⁹ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 468. У М.М. Загю были сестра и дочь с таким именем.

¹⁰ Там же. Ф. 33987. Оп. 3 а. Д. 17. Л. 94–94 об.

¹¹ Там же. Л. 94 об.

¹² В художественной форме конфликт с Языковым и Загю описан в посвященной В.Н. Подбельскому повести В.Н. Жукова «Страда и праздник» (М., 1981) из серии «Пламенные революционеры». Автор повести наделил своего героя следующими словами: «Это не ты должен делать, а Языков. А он себя чувствует царским генштабистом: по пла-ну все, сог-лас-но дис-по-зи-ции! И Загю, его начальник, потакает нераспорядительности» (С. 255). В интерпретации Жукова Языков и Загю были изменниками, которых арестовали по инициативе Подбельского за бездействие и нераспорядительность (С. 256).

¹³ ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1 а. Д. 114. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 15 об.

¹⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 169.

¹⁶ Раттель Николай Иосифович (1875–1939) – русский генерал, советский военачальник, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В 1918 г. вступил в РККА. С марта 1918 г. – начальник ВОСО в Высшем военном совете Республики. С июня 1918 г. – начальник штаба Высшего военного совета; после увольнения по болезни военрука совета М.Д. Бонч-Бруевича временно исполнял его должность. С сентября 1918 г. – начальник штаба Реввоенсовета Республики, с октября 1918 г. – начальник Всероглавштаба. В 1925 г. в резерве РККА. 28 июля 1938 г. был арестован; 2 марта 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной терро-

ристической организации приговорен к расстрелу. Расстрелян 3 марта 1939 г., захоронен на Коммунарке.

¹⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 172–172 об.

¹⁸ Там же. Л. 172 об.

¹⁹ Там же. Л. 172 об.–173.

²⁰ Там же. Оп. 10. Д. 11. Л. 121.

²¹ Бакинский Сергей Сергеевич – член Верховной комиссии телеграфной связи.

²² Брюханов Николай Павлович – заместитель народного комиссара продовольствия РСФСР.

²³ Невский Владимир Иванович – народный комиссар путей сообщения РСФСР.

²⁴ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Trotsky collection. Box 1. Folder 48; письмо опубликовано в: The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1: 1917–1919 / Ed. and annot. by J.M. Meijer. L.; Hague, P., 1964. P. 266.

²⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 392 а.

²⁶ Там же. Оп. 5. Д. 66. Л. 173 об.

²⁷ Там же. Л. 174.

²⁸ В.И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 142–143.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1 а. Д. 114. Л. 30 об.

³⁰ Упвосо – здесь и далее управление военных сообщений.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1 а. Д. 114. Л. 10.

³² *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 340.

³³ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 855 об.

³⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 631.

³⁵ Там же. Оп. 10. Д. 11. Л. 129.

³⁶ Как удалось установить, впоследствии Н.М. Загю остался в СССР и на 1951 г. проживал в Тбилиси, где семья Загю жила еще до революции. Там же проживала и сестра М.М. Загю – Нина Мухелова (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 520. Л. 13 об.). Другая сестра Загю – Мария Балбашевская, эмигрировала в Латинскую Америку, связь с ней М.М. Загю не поддерживал (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 520. Л. 2).

³⁷ Почтово-телеграфных.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1 а. Д. 114. Л. 4.

³⁹ Здесь и далее – почтово-телеграфным.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1 а. Д. 114. Л. 4 об.–5.

⁴¹ Там же. Л. 5.

⁴² Там же. Л. 1.

⁴³ *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 86, 461–462.

Продолжение следует

